

ГОРДОСТЬ ВЕКА

25 ЛЕТ назад ушел из жизни Алексей Максимович Горький. Великий художник слова, основоположник пролетарской литературы, он оставил человечеству бесценный дар — десятки книг, на которых будет воспитываться не одно поколение. Богатейшим источником мудрости являются и его письма.

Из обширного эпистолярного наследства писателя мы публикуем письмо литератору В. Я. Зазубрину. Это отзыв Алексея Максимовича на пьесу, посвященную советским медикам. Письмо войдет в очередной том, который готовит к изданию Архив А. М. Горького.

(Тессели. Конец марта 1936 года).

ДОРОГОЙ Владимир Яковлевич!

Пользуясь медициной, как материалом для романа или театрального зрелища, литератор должен бы считаться с неправильным и даже уродливым отношением к медицине со стороны миллионов ее пациентов, да и самих медиков. От физики и химии чудес не ждут — электросвет, телефон радио, воздухоплавание и другие чудеса являются неожиданно для миллионов, от медицины — труднейшей из наук — напряженно ждут чудес. Медицина самая популярная наука, ее рекламируют промышленность и торговля, медикаменты более ходкий товар, чем даже пластинки граммофона. Медицина, как наука, жесточайше вульгаризирована и любой прыщеватый «царь природы» считает себя вправе порицать медицину, если медик не сведет прыщей с его рожи. Поэтому литераторам следовало бы включить в число своих «человеческих обязанностей» борьбу против вульгаризации науки медицины, — науки, которая ставит целью своей не только лечение больных, охрану здоровья людей, борьбу за долголетие оных, — она ставит перед собою и более высокую, более трудную цель, а именно: изучение человеческого организма во всей его сложности.

Впервые, практически, со всей гордой смелостью, характернейшим качеством новой нашей психики, эта высокая цель поставлена у нас, в Союзе.

Недостаток пьесы «Человеческие обязанности» в том, что эта цель отмечена слабо, даже почти не отмечена. Задача медицины, как науки, нигде не выражена в словах настолько сильно драматизированных, чтобы они развернули перед зрителем и слушателем значение этой науки, трудность ее работы, заставили людей взглянуть на медицину иными глазами, понять ее глубочайшее значение, высоту ее цели, ее подлинный гуманизм.

Чего хочет Рымарев? Он нигде не сказал об этом ясными словами новатора, революционера. Мало говорит он и о бездушном консерватизме привычной практики.

Портретность фигур пьесы погружает ее в быт слишком глубоко. Фигуры Евладова и Рымарева легко узнать, а узнав их, будут догадываться и спорить о том, кто Зарянский, Черных и прочие. Я думаю, что автору эти споры и догадки не нужны, а значение пьесы они снижают. К тому же Евладов лишний в пьесе, не связан с ней. У Рымарева, — каков он в действительности, — есть пафос скептицизма, пафос разрушителя авторитетов — это не отмечено автором. Вместо человека, мыслящего философски, диалектически, да и человек неопределенных намерений, неоправданно грубоватый на словах, неряшливо пьющий спирт, — причем некоторые зрители могут подумать, что он любит пить спирт, настоенный на холерных бациллах. Совершенно не ясно, зачем понадобились старики и старушки, живущие в шкафах. Если — для комизма, так это не смешно, хотя и неожиданно. Пьесу нельзя назвать комедией, но старички — нечто от водевиля.

Зарянский — слишком откровенно нагловат и вообще чересчур злодей. Все другие — как-то не дописаны, не ярки, в общем же пред зрителем проходит полтора десятка врачей, которые не способны вызвать у него доверие к ним. Они говорят о кошках, кроликах, но почти ни слова о человеке, о высоких задачах своей работы.

На мой взгляд, пьеса совершенно не удалась, и, в данном ее виде, может укрепить в людях вульгарное их отношение к науке медицине, а также и к врачам. Необходимо поднять выше ее общий тон, подчеркнуть, что тут вызвана и развернута эпохой все та же борьба революционеров с консерваторами и реформаторами.

Очень жаль, Владимир Яковлевич, что Вы взялись за эту тему, не окончив «Горы».

Желаю Вам всего лучшего.

М. ГОРЬКИЙ.

Июль 1935 года. Проводы Р. Роллана.

31 июля 1929 года. А. М. Горький
на трибуне стадиона «Динамо».

